

П. Швайтцер и Е. В. Головки

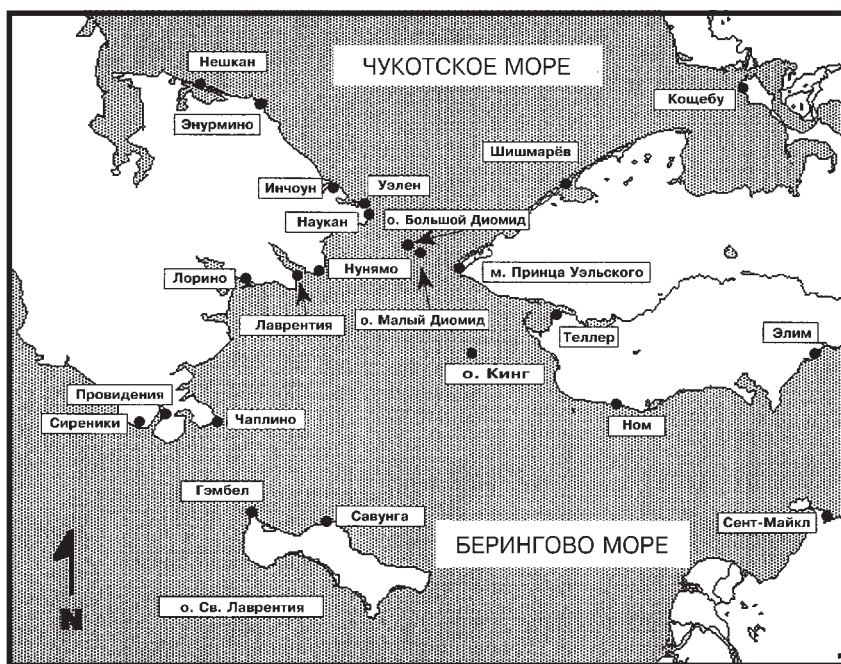
**ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ ВНЕШНЕГО КОНФЛИКТА
В КУЛЬТУРЕ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ
БЕРИНГОВА ПРОЛИВА¹**

Введение

В 1993–1997 годах авторы настоящей статьи работали в нескольких поселках Чукотки и Аляски, где собирали oral histories, посвященные контактам между различными этническими группами, живущими по обе стороны Берингова пролива². Первоначально мы не предполагали, что воспоминания о вооруженных конфликтах могут занять сколько-нибудь существенное место в наших материалах. Ошибочность этого предположения стала ясна, когда мы в 1994 году впервые оказались в поселке Теллер, на Сьюардском полуострове, штат Аляска (см. карту). Первый же встреченный нами на улице молодой человек (которого мы остановили, чтобы спросить дорогу), узнав, что нас интересуют воспоминания о контактах с Чукоткой, немедленно указал нам на две близлежащие сопки. Затем последовал выразительный рассказ о том, что эти сопки служили наблюдательными пунктами, откуда местные жители следили за приближением «сибирцев». Там же располагались укрытия, в которых можно было переждать очередное нападение врагов. В окрестностях сопки заранее делались тайники, в которых запасались провизия, одежда, оружие.

С похожей ситуацией мы столкнулись и в другом аляскинском прибрежном поселке — на мысе Принца Уэльского. Большинство местных жителей, независимо от пола и возраста, с готовностью рассказывали о тайниках, в которых хранились мясо и оружие, о пещерах чуть в стороне от поселка, в которых прятались местные эскимосы во время набегов с Чукотки. Все это указывало на то, что рассказы о нападениях с противоположного берега пролива составляют очень важную часть общей для аляскинского побережья исторической памяти.

Когда на следующий год мы попытались расспрашивать о набегах на Аляску в нескольких поселках на чукотской стороне пролива, то потер-

пели полную неудачу: выяснилось, что соответствующая устная традиция просто не существует. Сомнения, которые поначалу возникали (спрашиваем не тех людей, неправильно формулируем вопросы и т. п.), быстро развеялись. Ни в одном поселке³ ни один информант, независимо от пола и возраста, не рассказал ничего, что хоть как-то соответствовало бы тому, что было записано на Аляске. Типичной реакцией информантов было удивление: «Нападения на Аляску? Мы никогда ничего об этом не слышали. Мы с Аляской всегда жили в мире и дружбе». В настоящей работе мы рассмотрим проблему несовпадения устных традиций в контактирующих сообществах, обращаясь к анализу вопросов общего характера, таких, как соотношение памяти и истории, культурные модели памяти, особенности внешних конфликтов в районе Берингова пролива.

Берингов пролив находится в северной части Тихого океана и разделяет континенты Евразии и Северной Америки в том месте, где они расположены друг к другу ближе всего. Благодаря своему географическому положению, Берингов пролив всегда был своеобразным перекрестком, на котором разворачивались самые разнообразные виды социального взаимодействия. Тесные контакты привели к появлению сходных черт в сообществах на обеих сторонах пролива, хотя, с другой стороны, эти сообщества сохраняли четко выраженные локальные особенности.

Если исходить из самых общих этнических и лингвистических характеристик, эти сообщества делятся на чукчей, науканских эскимо-

сов (юпит) и эскимосов инупиат. За этими общепринятыми названиями скрываются существенные различия. В то время как науканские эскимосы — это жители конкретного поселка Наукан (см. карту), насчитывавшего около 350 человек⁴, названия «эскимосы инупиат» и «чукчи» представляют собой этнонимы достаточно общего характера, относящиеся к десяткам конкретных сообществ со своими локальными традициями. Эскимосы инупиат расселены вдоль побережья на аляскинской стороне пролива, а также на острове Малый Диомид⁵. В рамках данной работы мы принимаем в расчет только самые восточные группы чукчей, которые исторически, в зависимости от способов жизнеобеспечения, разделяются на оленных и приморских чукчей. Основным занятием прибрежных сообществ всех трех этнических категорий была охота на морских млекопитающих в открытом море (Наукан, Уэлен, поселок Принца Уэльского, остров Кинг) или на берегу (Инчоун, Шишмарев, Теллер).

В XX веке различия в культуре были во многом заслонены различиями политическими — границей между США и Советским Союзом. Эта граница (которую в литературе иногда еще называют «ледяным занавесом», по аналогии с «железным занавесом») превратила естественное географическое разделение на два континента в противостояние различных политических и идеологических систем⁶.

Обратимся к историческому контексту, необходимому для понимания темы военных столкновений в интересующем нас районе. Прежде всего следует отметить, что в письменных источниках не зафиксировано случаев вооруженных конфликтов в Беринговом проливе в XX веке. На северо-западной Аляске последний документированный случай такого рода имел место около 1880 года (Burch 1974). Что же касается рассматриваемых в настоящей работе общностей, то вооруженные столкновения между ними прекратились по крайней мере на несколько десятилетий раньше. Иными словами, вооруженные столкновения прекратились за два — четыре поколения до того, как родились наши самые старые информанты. Несмотря на то что нет ни одного свидетельства очевидцев о случаях вооруженных конфликтов в Беринговом проливе, существуют довольно подробные, опирающиеся на вторичные источники описания как в отношении северо-западной Аляски (Burch 1974, 1998), так и в отношении Чукотки (Антропова 1957). Из этих описаний с очевидностью следует, что существующий до сих пор стереотип миролюбивых эскимосских общностей не имеет ничего общего с исторической реальностью (см. критику этого стереотипа в работах Э. Финап-Риордан: Fienup-Riordan 1988; 1990; 1994). В то же самое время вряд ли стоит вслед за Э. Берчем (Burch 1974) характеризовать эти вооруженные столкновения как «примитивные военные действия» (primitive warfare). В последнее время появились работы (см., например, Ferguson, Whitehead 1992), в которых оспаривается отношение к зафиксированным фактам подобных воору-

женных конфликтов как к «первобытным военным столкновениям коренного населения» (*pristine indigenous warfare patterns*), — именно таким образом они обычно характеризовались начиная с первых, часто кровопролитных, контактов коренного населения с европейцами и американцами. В случае с районом Берингова пролива не следует забывать, что, хотя американцы стали активно проникать во многие районы этой территории только в конце XIX века, начало русского военного присутствия в регионе датируется серединой XVII века. Это заставляет допустить возможное влияние, которое могло оказать присутствие русских на поведение коренного населения в последующих вооруженных столкновениях. Однако, разумеется, было бы большим преувеличением утверждать, что все позднейшие вооруженные конфликты — исключительно продукт колонизации. На основании археологических находок в регионе (см., например, Bandi, Bürgi 1971/1972; VanStone 1983) можно с уверенностью утверждать, что активные военные действия велись, а военная технология развивалась за несколько веков до того, как имели место первые прямые или косвенные контакты с русскими.

Структура памяти и история вооруженных конфликтов

К поиску ответа на интересующий нас вопрос — почему люди на противоположных сторонах Берингова пролива по-разному помнят (не помнят) о вооруженных столкновениях — можно подойти с совершенно разных позиций.

Один из возможных подходов — попытаться провести «историческую реконструкцию», с тем чтобы выяснить, «как было на самом деле». Есть как минимум две причины, которые, с нашей точки зрения, делают такой подход невозможным. К проблеме более чем скудных исторических свидетельств добавляется еще одна: как «примирить» противоречащие друг другу утверждения современных информантов (одна сторона утверждает, что имели место жестокие столкновения, а другая категорически это отрицает)?

Представляется разумным другой подход: начать с рассмотрения культурных особенностей того, каким образом возникает и передается память о том или ином конкретном событии. Тем самым мы отказываемся от интерпретации устной традиции как причудливого искажения реальных исторических фактов, но полагаем ее их когнитивной основой. И только в качестве следующего шага можно попытаться уложить то, что представляется исторически достоверным, в рамки культурного объяснения. Такой подход не является попыткой некоторым произвольным образом втиснуть разрозненные исторические факты в заданную модель. Смысл его — в признании и утверждении того, что вся история, письменная и устная, зиждется на памяти.

В интересующем нас регионе память тесно связана с ландшафтом. Топонимы — не просто ярлыки, они сложным образом соотносятся

с событиями, персоналиями и группами людей. Для наших целей представляется удобным использовать термин *memogyscape* (от английских слов *memo* 'память' и *landscape* 'ландшафт'), введенный в оборот М. Наттэллом (Nuttall 1992) при описании взаимосвязи между культурными практиками и ландшафтом у эскимосов западной Гренландии. По утверждению М. Наттэлла (Nuttall 1992: 39), «*memogyscape* конструируется на основе ментальных представлений людей об окружающей природе, при этом особый упор делается на места, закрепленные в памяти». В нашем случае это означает, что важные события, такие, как вооруженные столкновения, не просто хранятся в памяти как некие абстрактные события, имевшие место в прошлом, но они обязательно имеют привязку к месту, где они происходили. Коротко говоря, представляется, что существует определенный эскимосский способ осмысления и культурного ранжирования ландшафта, который «работает» также и в случае неэскимосских общностей Берингова пролива⁷. Таким образом, история с жителем поселка Теллер, указавшим на вполне определенные сопки во время рассказа о набегах с чукотского берега, представляет собой просто иллюстрацию этого принципа.

Рассмотрим теперь более детально, что именно сохраняет в памяти каждая из двух сторон. Как уже было отмечено, жители всех прибрежных аляскинских поселков (например, Теллер, Шишмарев, Кауверак, поселок Принца Уэльского) разделяют убеждение, что «сибирцы» (то есть чукчи и науканские эскимосы) раньше совершали на Аляску набеги. Они убивали мужчин, разрушали ямы и пещеры, в которых хранились запасы, похищали еду и утварь, а также увозили с собой детей и женщин. В то же время изредка встречающиеся упоминания о нападениях аляскинцев на чукотские поселки чрезвычайно смутны, неконкретны, лишены каких бы то ни было деталей — они скорее допускаются как логическая возможность. Современные информанты в поселках на чукотской стороне пролива категорически отрицают факт вооруженных столкновений вообще. По их словам, ни их предки, ни аляскинцы никогда не пересекали пролив с враждебными целями.

Однако есть одно событие, связанное с военными действиями, которое прекрасно сохраняется в памяти всех прибрежных жителей Чукотки. Это успешная оборона своих поселков от появившихся с западной стороны врагов, которых они иногда называют «якуты», но чаще — «якуны». Вопрос о том, какие возможные коннотации вызвали появление именно этих названий, мог бы стать темой отдельной работы (см. об этом, например, Меновщиков 1988: 19; Krupnik, Chlenov, forthcoming). В рамках этой статьи достаточно ограничиться утверждением, что это были вооруженные отряды, возглавляемые русскими офицерами. Целью этих формирований был сбор «ясака» среди коренного населения Чукотки. Так же как в случае с Аляской, память о «якунах» или «якутах» жестко привязана к конкретным местам: называется точное место «главного сра-

жения», а также другие важные точки, где проходили успешные «оборонительные бои».

Говоря о «двух сторонах» Берингова пролива, нельзя хотя бы кратко не упомянуть остров Малый Диомид, который и в географическом и в культурном отношении занимает промежуточное, срединное положение⁸. Информанты, живущие на острове, «помнят», что набеги происходили как с Чукотки на Аляску, так и в обратном направлении⁹, однако эти «воспоминания» чрезвычайно неконкретны и не привязаны ни к каким определенным местам ни на Малом Диомиде, ни где-либо еще.

Несмотря на содержательные различия в «воспоминаниях», бытующих в разных поселках Чукотки и Аляски, все они тем не менее обнаруживают значительные структурные совпадения. В сюжетном отношении внешний конфликт выстраивается следующим образом. Некоторая группа чужих, живущих на западе (жители Чукотки по отношению к аляскинцам, «якуны» по отношению к населению Чукотки), начинает терроризировать поселок рассказчика. После нескольких опустошительных и кровопролитных набегов в поселке появляется местный герой, которому удается сплотить соплеменников и организовать успешную оборону поселка. Таким образом, появление героя приводит к полному поражению врагов, при этом структурные совпадения в разных локальных традициях наблюдаются даже в деталях: все враги перебиты, в живых оставлен только один, его отпускают к своим, чтобы он принес весть о жестоком поражении и тем самым предотвратил дальнейшие набеги.

Эти наблюдения подводят нас к возможному объяснению «загадки памяти» в рассматриваемых нами сообществах. Экспансия, порождавшая внешние конфликты, всегда направлена с запада на восток (русские/«якуны» атакуют население Чукотки, чукотские жители нападают на аляскинские поселения). В коллективной памяти рассматриваемых нами сообществ фиксируется лишь один аспект вооруженных конфликтов — оборонительные действия. Последнее получает вполне удовлетворительное объяснение в рамках концепции *metoguscar*: места, где проходили защитные сражения, находятся поблизости от местожительства рассказчика и, таким образом, они вписаны в культурно освоенный ландшафт. Нападения же, как правило, происходят за пределами того ландшафта, который составляет часть культурно освоенного сообществом пространства. Воспоминания, связанные с ними, довольно быстро «выветриваются» из коллективной памяти, так как места, с которыми они ассоциируются, не относятся к числу регулярно посещаемых. В связи с этим следует заметить, что упоминания о якобы имевших место нападениях аляскинцев на Чукотку не находят подтверждения на азиатской стороне пролива — это совершенно не отражено в *metoguscar* современных информантов на Чукотке. Остается или признать, что этот факт не находит удовлетворительного объяснения в рамках используемого подхода, или

выбрать одну из двух возможных интерпретаций: (1) такие ответные нападения в действительности не имели места, и они полагаются современными аляскинскими эскимосами в качестве естественных акций возмездия только исходя из современной логики; (2) соответствующие *metoguscarpes* на Чукотке были позже вытеснены (реинтерпретированы) благодаря достаточно мощному внешнему воздействию каких-то других событий.

Обратимся теперь к диахроническому аспекту вооруженных конфликтов в Беринговом проливе. Наиболее основательная реконструкция истории внешних конфликтов на северо-западе Аляски принадлежит Э. Берчу (Burch 1974; 1998). Предложенная им модель предполагает, что военные столкновения в регионе были частыми, обычно в них участвовали небольшие отряды (военные альянсы между разными поселками были редкостью), которые следует описывать как неспециализированные отряды милиционного типа. По Берчу, главным мотивом вооруженных набегов в первой половине XIX века была месть (Burch 1998: 55). Другие возможные причины — стремление похитить чужое, контроль товарообмена, тем более территориальная экспансия, — вероятно, были значительно менее важными. Представляется, что эта модель применима ко всему району Берингова пролива в период до середины XVII века.

Начиная с середины XVII века Россия предпринимает попытки распространить политическое и экономическое влияние на азиатскую сторону Берингова пролива. Начало русской колонизации имело целый ряд важных следствий для западной части рассматриваемого нами региона. С одной стороны, это переход чукчей к крупномасштабному оленеводству, то есть появление пасторалистской экономики (приход русских в регион был, по крайней мере, одной из причин этого важного изменения). С другой стороны, появление европейских товаров, доступ к которым стал возможен благодаря ярмаркам, проходившим в западной части Чукотки, изменило существовавшую до этого структуру товарообмена в регионе. Европейские товары через Чукотку и далее через Берингов пролив стали проникать в самые отдаленные районы Аляски. Аляскинцы выменивали их на меха¹⁰. Все эти изменения привели к тому, что сложилась новая конфигурация властных отношений в регионе: жители западного берега пролива оказались в гораздо более выгодных условиях, так как, с одной стороны, находились ближе к источникам новых товаров, а с другой — оказались так или иначе причастными к экономически выгодным занятиям оленеводством.

Все эти перемены нашли отражение и в структуре внешних конфликтов. Население азиатской стороны пролива (прежде всего оленные чукчи), в отличие от аляскинских эскимосов, вынуждено было противостоять попыткам русских подчинить его, что вело к поискам новых

возможностей, прежде всего к качественно новому типу межгрупповых альянсов, а также к развитию военных технологий и тактики. При этом сами оленные чукчи постоянно инициировали вооруженные столкновения с окружающим коренным населением (см., например: Вдовин 1965: 54–78), поскольку новые пастбища могла обеспечить только территориальная экспансия во всех направлениях. Наконец, еще одной новой составляющей было появление в регионе европейских товаров — это делало набеги в экономическом отношении более привлекательными, чем когда-либо ранее. У населения приморских поселков (эскимосы и береговые чукчи) также появился новый мотив для нападений на аляскинские прибрежные поселения: женщины и дети, похищенные во время таких набегов, были предметом выгодного обмена с оленными чукчами, которым всегда требовались рабочие руки и которые нуждались в источнике новой рабочей силы.

Заключение

Рассмотрение изменений, произошедших в структуре вооруженных конфликтов после середины XVII века, позволяет по-новому взглянуть на вопросы, сформулированные в начале работы. Поскольку существовавшая до этого структура конфликтов претерпела значительные изменения из-за внешних причин, это не могло не привести к реинтерпретации существовавших *memoryscapes*. Беспрецедентная по масштабам и интенсивности вновь возникшая военная активность (имевшая направление с запада на восток) скорее всего привела к вытеснению хранившихся до этого в памяти событий, связанных с внешними конфликтами на других направлениях. Подверженность изменениям и реинтерпретациям вообще является характерной чертой передаваемых устно *memoryscapes*. Свою роль в реинтерпретации элементов коллективной памяти, в перестановке акцентов, несомненно, могли сыграть и политические события, имевшие место в XX веке¹¹. Примеры такого влияния легко обнаружить. С одной стороны, на это указывает тот энтузиазм, с которым аляскинцы (особенно те, кто вырос в годы холодной войны) в подробностях обсуждают нападения с азиатского берега. С другой стороны, о том же самом говорит стремление наших чукотских информантов представить отношения коренного населения Чукотки и Аляски «в розовом свете», — не в последнюю очередь это объясняется прагматическими соображениями, так как для населения Чукотки доступ на Аляску сегодня является ценным ресурсом¹². Это, в свою очередь, ведет к постепенной реинтерпретации исторических событий.

Представляется, что, если принимать в расчет рассмотренную выше комбинацию культурных факторов и внешних воздействий, это в конечном счете дает возможность получить ответ на вопросы, сформулированные в начале работы, при этом, что очень существенно, не отбрасывая утверждения современных информантов как противоре-

чивые и искажающие «логику исторических событий». В заключение отметим еще один важный момент. Внутренние культурные факторы и внешние воздействия, исходящие от «мировой системы», нередко трактуются как противоречащие друг другу и даже взаимоисключающие. Разобранный в нашей работе случай дает основания полагать, что такой поход как минимум непродуктивен.

Примечания

¹ В основу этой работы положен доклад, сделанный на 96-й ежегодной конференции Американской антропологической ассоциации, проходившей 19–23 ноября 1997 г. в Вашингтоне.

² Работа проводилась в рамках проекта «Путешествия между континентами: межэтнические контакты в районе Берингова пролива в 1898–1948 гг.», который финансировался Службой национальных парков США (Аляскинское отделение).

³ В работе не рассматриваются взаимоотношения эскимосов современного Провиденского р-на Чукотки (Сиреники, Чаплино) и острова Св. Лаврентия.

⁴ Наукан был закрыт советскими властями в 1958 г. против воли жителей, которые были переселены в другие поселки Чукотки (подробнее см., например: Chichlo 1981). Формальной причиной было объявление поселка «неперспективным», то есть экономически нерентабельным. Однако очевидно, что истинной причиной была опасная, с точки зрения властей, близость к США.

⁵ До относительно недавнего времени эскимосы инупиат также жили на острове Кинг (принадлежит США). В настоящее время большая часть бывших жителей острова Кинг и их потомки постоянно живут в городах Ном и Анкоридж. До 1948 г. эскимосы инупиат также жили на российском острове Большой Диомид (подробнее об этом см. ниже).

⁶ Необходимо сказать о том, что коренное население Чукотки и Аляски, живущее вдоль побережья, всегда поддерживало достаточно тесные связи, в том числе родственные (см. подробнее: Schweitzer, Golovko 1995 a; 1995 b; 1997). На официальном уровне факт постоянных контактов был признан советскими властями в 1938 г. При этом немедленного запрета на дальнейшие поездки через пролив не последовало. В специальном меморандуме посольства СССР в Вашингтоне регламентировалась упрощенная процедура пересечения границы (см. подробнее: Krauss 1994: 369).

Контакты прекратились только в 1948 г. по инициативе советской стороны, о чем было сообщено в специальной ноте, направленной в Государственный департамент США (см. также: Krauss 1994: 369). Эта информация, однако, не была своевременно доведена до местных органов власти на Аляске, и, когда семнадцать эскимосов с острова Малый Диомид летом 1948 г. отправились на другую сторону пролива с обычным визитом, они были арестованы советскими пограничниками на острове Большой Диомид (отпущены обратно спустя почти два месяца). Только через 51 год после этого драматического инцидента, в 1989 г., относительно свободное пересечение пролива стало опять воз-

возможным: между СССР и США было подписано соглашение, разрешающее коренному населению безвизовые поездки.

⁷ Мы сознательно не говорим здесь о, вероятно, более широкой распространенности этого механизма. Ср. точку зрения французского историка Пьера Нора, полагающего, что lieux de mémoire представляют собой topoï, то есть и место и тему вместе (цит. по: Blok 1992: 125).

⁸ Остров Большой Диомид, также находящийся посередине пролива, и в культурном отношении, и географически, кажется, всегда тяготел к Чукотке. Впрочем, сбор сведений о Большом Диомиде очень затруднен: в 1948 г. все население острова (эскимосы инупиат) было насильно выселено на Чукотку, до этого также было несколько волн переселений (см. подробнее об этом: Кгурнiк 1994) на Малый Диомид и Аляску. Сейчас потомки жителей Большого Диомиды рассеяны по Аляске и Чукотке.

⁹ Отвечая на наш вопрос, к какому лагерю принадлежали сами жители острова — «чукотскому» или «аляскинскому», — диомидцы демонстрируют, что используется любая удобная возможность подтверждения своей идентичности. По их словам, они примыкали то к аляскинцам, то к чукотско-науканским отрядам, в зависимости от складывавшейся обстановки. Однако из-за отсутствия каких бы то ни было деталей создается впечатление, что это также допускается лишь как логическая возможность, как еще один аргумент в подтверждение своего особого положения.

¹⁰ Существуют различные мнения относительно масштабов и времени установления отношений товарообмена через Берингов пролив. К. Хики считает, что такие отношения процветали начиная с XV в. «и что их появление не было связано с внешними факторами...» (Hickey 1979: 430). Д. Рэй (Ray 1992 [1975]), напротив, полагает, что эти отношения возникли и развились только как результат появления русских товаров, поступавших со знаменитой ярмарки на реке Малый Анюй (западная Чукотка). Во всяком случае, приходится признать, что до XVIII в. (сообщение В. Беринга, см.: Русские... 1984: 84) нет никаких достоверных свидетельств того, что между двумя сторонами пролива существовали торговые или иные отношения (Schweitzer 1990).

¹¹ Еще со времени появления основополагающих трудов М. Хальбвакса, определившего понятие коллективной памяти (Halbwachs 1980; 1992), стало общепринятым представление о том, что фиксация в памяти событий — социально обусловленный процесс. Позже было убедительно показано (среди прочих работ см., например: Allen, Montell 1981; Vauman 1986; Stahl 1989), что индивидуальная конфигурация памяти зависит от личного жизненного опыта, который, в свою очередь, определяется принадлежностью индивида к той или иной социальной группе.

¹² Подробнее об этом см.: Schweitzer, Golovko 1995 a.

Литература

Антропова 1957: *Антропова В. В.* Вопросы военной организации и военного дела у народов крайнего северо-востока Сибири // Сибир-

- ский этнографический сборник. Т. 2. (Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 35). М.; Л., 1957.
- Вдовин 1965: *Вдовин И. С.* Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л., 1965.
- Меновщиков 1988: *Меновщиков Г. А.* Устное повествовательное творчество эскимосов // Эскимосские сказки и мифы. М., 1988.
- Русские... 1984: *Русские* экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в.: Сб. документов. М., 1984.
- Allen, Montell 1981: *Allen B. and Montell W. L.* From Memory to History: Using Sources in Local Historical Research. Nashville, Tenn., 1981.
- Bandi, Bürgi 1971/1972: *Bandi H.-G. and Bürgi J.* Gräber der Punuk-Kultur bei Gambell auf der St. Lorenz Insel, Alaska // Jahrbuch des Bernischen Historischen Museums 51 and 52, 1971/1972.
- Bauman 1986: *Bauman R.* Story, Performance, and Event: Contextual Studies of Oral Narrative. Cambridge, 1986.
- Blok 1992: *Blok A.* Reflections on 'making history' // Other Histories / Ed. by K. Hastrup. London; New York, 1992.
- Burch 1974: *Burch E. S., Jr.* Eskimo warfare in Northwest Alaska // Anthropological Papers of the University of Alaska. 1974. Vol. 16, № 2.
- Burch 1998: *Burch E. S., Jr.* The Cultural and Natural Heritage of Northwest Alaska. Volume 7: International Affairs. Prepared for NANA Museum of the Arctic, Kotzebue, Alaska and the U. S. National Park Service, Alaska Region, Anchorage, Alaska, 1998.
- Chichlo 1981: *Chichlo B.* Les Nevuqaghmiit ou la fin d'une ethnie // Études/Inuit/Studies. 1981. Vol. 5, № 2.
- Ferguson, Whitehead 1992: *War* in the Tribal Zone: Expanding States and Indigenous Warfare / Ed. by R. B. Ferguson and N. L. Whitehead. Santa Fe, NM, 1992.
- Fienup-Riordan 1988: *Fienup-Riordan A.* Eskimo War and Peace: A Problem of Representation. Paper read at the 6th Inuit Studies Conference. Copenhagen, October 1988.
- Fienup-Riordan 1990: *Fienup-Riordan A.* Eskimo Essays: Yup'ik Lives and How We See Them. New Brunswick, 1990.
- Fienup-Riordan 1994: *Fienup-Riordan A.* Eskimo war and peace // Anthropology of the North Pacific Rim / Ed. by W. Fitzhugh and V. Chaussonnet. Washington, DC, 1994.
- Halbwachs 1980 [1950]: *Halbwachs M.* The Collective Memory. New York, 1980 [French original 1950].
- Halbwachs 1992: *Halbwachs M.* On Collective Memory / Edited, translated, and with an introduction by Coser L. A. Chicago, 1992.
- Hickey 1979: *Hickey C. G.* The historic Beringian trade network: its nature and origins // McCartney A. P.(ed.). Thule Eskimo Culture: An Anthropological Retrospective (National Museum of Man, Mercury Series, Archaeological Survey of Canada, Paper No. 88). Ottawa, 1979.

- Krauss 1994: *Krauss M. E.* Crossroads? A Twentieth-Century History of Contacts across the Bering Strait // *Anthropology of the North Pacific Rim* / Ed. by W. Fitzhugh and V. Chaussonnet. Washington, DC, 1994.
- Krupnik 1994: *Krupnik I. I.* 'Siberians' in Alaska: Siberian Eskimo Contribution to the Alaskan Population Recoveries, 1880–1940 // *Études/Inuit/Studies*. 1994. Vol. 18, № 1–2.
- Krupnik, Chlenov, forthcoming: *Krupnik I. I. and Chlenov M. A.* Survival in Contact. Yupik (Asiatic Eskimo) Transitions, 1900–1990 (forthcoming).
- Nuttall 1992: *Nuttall M.* Arctic Homeland: Kinship, Community and Development in Northwest Greenland. Toronto, 1992.
- Ray 1992 [1975]: *Ray D. J.* The Eskimos of Bering Strait, 1650–1898. Seattle, 1992 [first published 1975].
- Schweitzer 1990: *Schweitzer P. P.* Kreuzungspunkt am Rande der Welt. Kontaktgeschichte und soziale Verhältnisse der Sibirischen Eskimo zwischen 1650 und 1920. Ph. D. dissertation. University of Vienna, 1990.
- Schweitzer, Golovko 1995 a: *Schweitzer P. P. and Golovko E. V.* Traveling between continents: the social organization of interethnic contacts across Bering Strait // *The Anthropology of East Europe Review*. Special Issue: Culture and Society in the Former Soviet Union. 1995. Vol. 13, № 2.
- Schweitzer, Golovko 1995 b: *Schweitzer P. P. and Golovko E. V.* Contacts across Bering Strait, 1898–1948. With a contribution by L. Kaplan. Report prepared for the U. S. National Park Service, Alaska Regional Office, 1995.
- Schweitzer, Golovko 1997: *Schweitzer P. P. and Golovko E. V.* Local identities and traveling names: interethnic aspects of personal naming in the Bering Strait area // *Arctic Anthropology*. 1997. Vol. 34, № 1.
- Stahl 1989: *Stahl S. D.* Literary Folkloristics and the Personal Narrative. Bloomington, 1989.
- VanStone 1983: *VanStone J. W.* Protective Hide Body Armor of the Historic Chukchi and Siberian Eskimos // *Études/Inuit/Studies*. 1983. Vol. 7, № 2.